

привносит в историю России готовую концепцию, но извлекает ее из тщательно изученных событий, фактов, законов, обычаев. Оттого он решительно отказывается от просветительского тезиса, что русские средние века — это эпоха варварства, что социальный строй зависит от личности монарха (просвещенного или непросвещенного), что законы определяются географическими, а не социальными обстоятельствами. Все это должно учитывать при рассмотрении «элементов историзма» в произведениях 1780-х годов («Письмо другу, жительствовавшему в Тобольске», «Вольность», «Путешествие из Петербурга в Москву»). Важнейшие положения политического, социального и исторического характера, сформулированные в них, обосновывались опытом истории, закономерностями ее развития.

Вот почему среди этих бумаг Радищева рядом с выписками из летописей мы находим критические высказывания о философии истории просветителей: «Монтескью и Руссо с умствованием много вреда сделали. Один мнимое нашел разделение правлений, имея в виду древние республики, ассирийские правления и Францию. Забыл о соседях своих».⁵⁸

Монтескье — создатель новой социологии, вдохновитель политической доктрины энциклопедистов. Его «Дух законов» был источником воззрений на государство не только для Гольбаха, Гельвеция и Вольтера. Для Екатерины II «Дух законов» даже был «молитвенником». Монтескье рассматривал три типа государственного устройства: республику, деспотию и монархию. Республиканско-демократический строй, которому Монтескье больше сочувствовал, объявлялся идеальным, но утопичным, он мог быть осуществлен лишь в далеком будущем. Деспотия как правление, противное природе человека, подлежит уничтожению. Монархия же, смягченная просвещением и вдохновляемая философами, признавалась лучшей формой современного устройства бытия народов. Теория Монтескье послужила основанием для политической концепции энциклопедистов (просвещенный абсолютизм), которая не могла вооружать освободительное движение, а наоборот, оказалась использованной самодержцами — Фридрихом II и Екатериной II. Радищев не соглашается с теорией Монтескье, потому что он «забыл о соседях своих», потому что не учитывал опыт истории, называет его теорию «умствованием».

Демократические радикальные воззрения Руссо, его идея народоправства уже в лейпцигский период горячо поддерживалась Радищевым. Следы влияния самой радикальной книги французского мыслителя — «Общественный договор» — отчетливо видны в примечании к слову «самодержавство» в переведенной Радищевым книге Мабли «Размышление о греческой истории».

Но занятия историей позволили Радищеву увидеть и противоречивость учения Руссо о государстве. В отличие от Монтескье

⁵⁸ Там же, с. 480.